НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917-1918 гг.

К началу Февральской революции 1917 г. татарское национальное движение пришло изрядно окрепшим и накопившим определенный опыт политической деятельности. Значительную роль в этом сыграли мусульманские фракции Государственной думы, политической платформой деятельности которых служили программные документы всероссийских мусульманских съездов. Правда, партию «Иттифак аль-муслимин» (Союз мусульман), созданную в 1905 г. по решению Первого Всероссийского съезда мусульман и имевшую либеральную ориентацию, зарегистрировать так и не удалось. Татары активно участвовали в деятельности различных политических партий (кадетов, эсеров и т. д.). Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся в конце 1917 г., это наглядно продемонстрировали.

В бурных событиях 1917 г. татарское национальное движение показало свои потенциальные возможности и зрелость. Хотя и не обошлось без трагических ошибок и просчетов, в которых тесно переплелись объективные процессы с субъективным фактором, связанным с личными качествами и амбициями лидеров нации. Прежде всего, необходимо сказать, что, несмотря на революционную ситуацию и фактическое безвластие в стране, мусульмане оставались не в меру лояльными подданными Российского государства. Хотя объективная логика событий со всей очевидностью подталкивала их к более радикальной политике и решительным шагам. Так, культурно-национальная автономия мусульман Внутренней России и Сибири, провозглашенная в июле 1917 г. в Казани, при любом раскладе была вынуждена эволюционировать в сторону оформления национальной государственности тюрко-татар. Однако с июля 1917 г., когда ситуация была наиболее благоприятной, по март 1918 г., когда уже с большим запозданием пытались учредить штат Идель-Урал, приходилось действовать во все более ухудшавшихся обстоятельствах. В итоге чрезмерная осторожность и лояльность татарских либералов во главе с С. Максуди оказались на руку большевикам, узурпировавшим в конечном итоге фактически бесхозную власть в стране. Можно предположить, что будь штат Идель-Урал провозглашен летом 1917 г., то он вполне реально мог бы помешать приходу большевиков к власти, если не во всей России, то хотя бы в Волго-Уральском регионе. Здесь уместно вспомнить, как большевики вынуждены были отчаянно маневрировать вокруг куда более слабой Башкирской автономии и ее вооруженных формирований, гораздо хуже подготовленных и

оснащенных по сравнению с силами Мусульманского военного совета (Харби шура).

Другим трагическим обстоятельством развития событий 1917-1918 гг., безусловно, оказался раскол между татарами и частью башкир. Дело в том, что в создании национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири, в выборах Милли меджлиса участвовало немало башкир. Башкирские представители были и среди депутатов парламента. Однако верх взяли совсем другие люди, настойчиво поведшие дело раскола татаро-башкирского этноконфессионального союза, фигурировавшего тогда под названием мусульмане Внутренней России и Сибири. Тому также есть объективные и субъективные причины, что, однако, отнюдь не оправдывает виновников раскола.

Принято считать, что раскол произошел в силу личностных особенностей А.-З. Валиди, возглавившего башкирское движение в конце 1917 г. Однако во многом было бы неправильно сводить все причины только к этому. Во-первых, в политическом поведении А.-З. Валиди на протяжении всей его жизни, безусловно, была общетюркская доминанта. Во-вторых, либеральные лидеры нации в силу разных причин не проявили должного внимания к безусловно талантливому и харизматичному молодому активисту, пришедшему в тюрко-татарское движение задолго до 1917 г. Вот характерный эпизод февраля 1917 г., описанный московским историком С. Исхаковым со ссылкой на воспоминания Г. Ибрагимова: «Когда во время февральских событий в Петрограде, приведших к падению самодержавия, один из таких экспертов (бюро фракции. — *Р. З.)*, 27-летний историк А.-З. Валиди (Уфимская губ.) зашел к членам фракции (мусульманской. — *Р. З.),* то увидел, как в табачном дыму, бледные от бессонницы и духоты, с охрипшими голосами представители мусульман играли в карты. В ответ на вопрос Валидова Ахтямов довольно резко заметил: “Не говори пустое, глупый студент! Какая революция: просто солдатский бунт! Вот Протопопов завтра покажет революцию!”. Другой эксперт бюро фракции, адвокат Н. Курбангалеев (Оренбургская губ.) сказал: “Если в голове у него что-то есть, то поменьше говорил бы такие глупые слова”. Когда Валидов подошел к меньшевику Цаликову, тот также весьма невежливо ответил молодому человеку»[1].

Между тем именно А.-З. Валиди адекватно оценивал происходившие тогда события. «Зубры» национального движения, конечно, видели в нем молодого и сильного конкурента, смелого, радикального и нестандартно мыслящего.

Инициатором татаро-башкирского раскола, обозначившегося еще летом 1917 г., выступил вовсе не А.-З. Валиди. В это время он как раз демонстрировал верность делу общемусульманского единства, отправившись в Туркестан на помощь тюркским соратникам. А.-З. Валиди активно участвовал в выборной кампании и стал гласным (депутатом) Совета мусульманских делегатов Ташкента. Совершенно очевидно, что будь его талант востребован в делах мусульман Внутренней России и Сибири, он бы остался в родных краях. Как уже отмечалось, в событиях лета 1917 г. либеральным лидерам нации не хватало здорового радикализма, поэтому невостребованность А.-З. Валиди в тот период может вызывать лишь сожаление. Хотя провозглашение национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири в стране с многовековыми унитарными традициями и вопреки настроениям в Петрограде также требовало немало смелости. Но политика требует последовательности и доведения до логического конца любого начатого дела.

Либеральные деятели тюрко-татарского движения с упорством, достойным лучшего применения, держались идеи национально-культурной автономии в ущерб воссозданию той или иной формы национальной государственности. Как и всякая политическая теория, созданная в кабинетной обстановке, концепция национально-культурной автономии была не сопоставима с реалиями жизни.

Но вернемся к вопросам татаро-башкирских отношений на драматическом изломе истории 1917-1918 гг. Как известно, Первый Всероссийский мусульманский съезд состоялся в мае 1917 г. в Москве. Местом проведения следующего была определена Казань. Однако сроки предполагалось определить позднее, в рамках рабо-

ты Милли шура (Национального совета). Тут и возникли трудности. «Отдельные мусульманские народы падение царизма поняли как исчезновение последнего общего врага. Слабые связи между тюркскими народами, которые поддерживались лишь стараниями татар, несмотря на возникшие благоприятные условия для укрепления и углубления их, не развивались дальше, ибо каждый народ считал себя, с одной стороны, свободным от центральной власти, а с другой — не проявлял особого желания связывать себя также какими-либо общими принципами и с братскими народами. В результате этого не только не состоялись запланированные во время первого съезда в Москве III-й и IV-й Всероссийские мусульманские съезды, которые должны были быть проведены в Ташкенте и Баку, но кавказцы и казахи не явились и на Второй мусульманский съезд, который проходил в Казани в июле 1917 г.»[2] К сожалению, среди неявившихся на съезд была и башкирская делегация.

В том, что башкирская делегация не прибыла в Казань на Второй Всероссийский мусульманский съезд, на наш взгляд, нельзя видеть только злой умысел отдельной группы лиц. После падения самодержавия перед всеми народами Российской империи открылись перспективы институционного обустройства на своих территориях. Собственно это можно рассматривать как стихийное развитие регионализма в масштабах огромной страны. Башкирские лидеры также решили срочно провести общебашкирский съезд в Оренбурге, дабы воспользоваться ситуацией. Поэтому они обратились в Милли шура с просьбой перенести общероссийский съезд на более поздний срок[3]. Как видим, они не отрицали принципы общетюркского, общемусульманского единства. Заметим, что в это время А.-З. Валиди еще не участвовал в башкирском движении. Служение общетюркскому делу он осуществлял тогда в Туркестане.

21 июля 1917 г. в Казани открылся Второй Всероссийский мусульманский съезд. В этот же день в Оренбурге начался общебашкирский съезд. Съезд был «камерным»: в его работе от пяти губерний с башкирским населением участвовало всего около 70 делегатов. 27 июля съезд завершил работу избранием Башкирского областного совета во главе с социал-демократом Ш. Манатовым. «Основной экономической причиной, подталкивавшей манатовцев и валидовцев к территориальной автономии, являлась попытка башкир-вотчинников сохранить свои угодья, которым угрожал Декрет о земле. На это обратил внимание Прайс*, который побывал в середине 1917 г. на Южном Урале»[4]. И не видеть объективные причины выделения башкирского движения в самостоятельную политическую силу было бы неправильно. «Башкиры-вотчинники» были скорее социальным сословием, чем этнической общностью в чистом виде. Среди них было немало выходцев из татар. Впоследствии, уже при Советской власти сельские башкиры получили определенные налоговые льготы как представители народа, нуждающегося в специальной поддержке и развитии. Татары же, зачисленные в разряд развитых и грамотных народов, таких льгот не получили. Это была одна из причин, по которой татары Башкирской АССР в массовом порядке записывались «башкирами». Такая «плавающая» этничность — лишнее основание определять татар и башкир как единый этноконфессиональный конгломерат мусульман Внутренней России. Тюрко-татарские либералы до последнего держались этого определения. Однако в вопросе национально-государственного самоопределения народа они не проявили ни своевременного адекватного понимания проблемы, ни должной решительности.

Отмечая политическую эволюцию А.-З. Валиди и его непростую роль в татаро-башкирских взаимоотношениях, необходимо учитывать и другие обстоятельства его жизни. До того, как примкнуть к башкирскому движению, он «позиционировал» себя как твердый сторонник тюрко-татарской идентичности, и это бесспорный факт. В 1912 г. в казанском издательстве «Сабах» вышла его книга «Төрек вә татар тарихы» (История тюрок и татар), а в 1917 г. — «Кыскача төрек-татар тарихы» (Краткая история тюрко-татар). Известно также, что

* Морган Филип Прайс — известный британский журналист, много путешествовавший по России и выпустивший об этом несколько книг. Он состоял в знакомстве со многими деятелями российского мусульманства, в частности, с С. Максуди.

А.-З. Валиди состоял под негласным полицейским надзором как «опасный татарский националист».

Однако переход на сторону башкирского движения в конце 1917 г. означал определенный рубеж в политической эволюции А.-З. Валиди. Какие бы объективные и субъективные причины ни лежали в основе этого шага, реально он способствовал окончательному и роковому расколу единого движения мусульман Внутренней России и Сибири. В мемуарах А.-З. Валиди часто проскальзывают высказывания о плохих отношениях с такими лидерами тюрко-татарской эмиграции, как Ю. Акчура, С. Максуди, Г. Исхаки, Ф. Туктаров и др.[5] Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что за рубежом А.-З. Валиди в основном «позиционировал» себя как представитель Туркестана. Очевидно, у него не было другого выхода, ибо в эмиграции тюрко-татары предпочитали не делиться на татар и башкир.

Безусловно, А.-З. Валиди был чрезвычайно одаренный, талантливый человек. Задатки большого ученого проявились у него еще в России. К 1917 г., когда ему было всего 27 лет, он успел выпустить несколько книг и большое количество статей. Очень больших высот в науке он сумел достичь в эмиграции. Как востоковед, специалист по истории и культуре тюркских народов он снискал мировое признание. Но характер А.-З. Валиди был непростой. В своих «Воспоминаниях», давая оценку лидерам тюрко-татарской эмиграции, он, очевидно, не был объективен. Так он пытается представить Г. Исхаки как сторонника «неделимой» России, хотя общеизвестно, что последний был последовательным борцом за независимость Идель-Урала. В отличие от А.-З. Валиди, ограничившегося в эмиграции сугубо академической деятельностью, Г. Исхаки был смелым политическим лидером, бросившим вызов большевистскому режиму.

Однако надо отдать должное человеческим качествам А.-З. Валиди. По свидетельству видного деятеля тюрко-татарской эмиграции А. Акыша, в 1953 г. А.-З. Валиди сам пришел в дом уже смертельно больного Г. Исхаки. Они обнялись, и А.-З. Валиди произнес: «Давай забудем прежние обиды, мы ведь оба татары, люди одной эпохи»[6]. Как пишет в своих мемуарах А. Акыш, они оба признали свои ошибки и помирились.

После провозглашения в июле 1917 г. в Казани на Втором Всероссийском мусульманском съезде национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири было создано Временное национальное управление из трех назаратов: финансов (Малия назарате), просвещения (Магариф назарате) и по религиозным делам (Диния назарате). После этого уже существовавший исполнительный комитет мусульман Всероссийского мусульманского совета, избранный на Первом Всероссийском мусульманском съезде, направил обращение Временному правительству с просьбой признать Национальное правление мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири (Милли идаре), являвшееся высшим исполнительным органом культурно-национальной автономии. В обращении также предлагалось передать функции, связанные с образованием и культурой мусульман, соответствующим ведомствам Национального правления.

К сожалению, в течение всего 1917 г. Временное правительство проявляло нерешительность во всех вопросах, в том числе и в вопросе признания автономии мусульман. Вместо того, чтобы формировать союзников в национальных регионах страны, оно пребывало в плену старых великодержавных предрассудков и стереотипов. Неудивительно, что Россия пришла к большевистскому перевороту.

В отличие от Временного правительства, большевики действовали куда более решительно. Уже 26 октября (8 ноября) 1917 г. они захватили власть в Казани. В то время Мусульманский военный совет (Харби шура), имея 50 тысяч штыков (в Казани — 20 тысяч!), т. е. будучи реальной силой, оставался нейтральным к происходящим событиям. Именно подобная позиция национальных сил помогла укрепиться большевикам. Хотя 19 ноября 1917 г. Харби шура выступил с заявлением о незаконном характере октябрьского переворота и заявил о непризнании Советской власти, настаивая на созыве Учредительного собрания [7], время было упущено.

Приход к власти большевиков заметно осложнил ситуацию с формированием института национально-культурной автоно-

мии мусульман Внутренней России и Сибири. Как известно, В. И. Ленин категорически отвергал идею культурно-национальной автономии, как буржуазную и вредную с точки зрения пролетарского интернационализма[8]. Не желавшие мириться с подобным положением дел татарские национальные лидеры, как и национальные правительства в других регионах страны, встали в оппозицию к большевикам. Данное обстоятельство побудило большевиков маневрировать. Они были вынуждены пересмотреть свои принципиальные позиции в национальном вопросе. Это выразилось в переходе от идеи унитарного «пролетарского» государства, игнорирующего, по сути, национальный фактор, к государству федеративному, объединяющему различные народы.

2 (15) ноября 1917 г. была провозглашена «Декларация прав народов России». Она включала в себя следующие положения: «1. Равенство и суверенность народов России; 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3. Отмена всех и всяких национально-религиозных привилегий и ограничений».

В провозглашенной Третьим Всероссийским съездом Советов 12 (25) января 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» впервые упоминались принципы федеративного государства. Здесь уже не было речи о свободном самоопределении наций, а упоминалось лишь право рабочих и крестьян каждой нации «принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях». Нельзя не признать, что эти документы, а также обращение СНК от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» сыграли свою роль в расколе национального движения, в роспуске мусульманских военных формирований.

После установления на территории России Советской власти часть татарских общественных и политических деятелей пошла за большевиками и продолжила дело национального строительства в новых условиях несвободного общества. Однако прежде чем в Волго-Уральском регионе окончательно утвердилась новая власть и появились национальные республики в нынешних своих границах, здесь возник один из самых напряженных фронтов Гражданской войны, которая вытолкнула из страны в эмиграцию лучших представителей татарского народа. Оставшихся ждали трагические испытания.

Отдельного рассмотрения заслуживают события периода с ноября 1917 г. по март 1918 г., когда татарское национальное движение попыталось самоопределиться в форме собственной государственности. Пришедшие к власти большевики действовали решительно, цинично и жестоко. Они не гнушались демагогических обещаний, позже отказываясь от них. Так произошло и с лозунгом о праве народов России на свободное самоопределение.

Большевикам и их малочисленным сторонникам из среды татар удалось привнести раскол в национальное движение. М. Вахитов, К. Якубов, М. Султан-Галиев и другие немало сделали для организации саботажа деятельности таких структур, как Милли шура, Милли меджлис, Милли идаре, Харби шура. Они вели активную большевистскую агитацию с целью разложения любых национальных формирований. Большевистское воздействие расщепило и разрушило складывающуюся тюрко-татарскую общность. В регионах компактного проживания мусульман Внутренней России большевики то и дело создавали новые структуры по управлению делами мусульман, беспрерывно тасовали в них руководящие кадры, закрывали уже существовавшие и оправдавшие себя органы, присваивали их собственность и финансы.

8 января 1918 г. в Казани начал работу Второй Всероссийский мусульманский военный съезд. Событию предшествовали разгон Учредительного собрания в Петрограде, а также запрет большевистского командующего Н. Крыленко на проведение мусульманского военного съезда. Тем не менее на съезд прибыло 203 делегата, из них татар — 141 человек, башкир — 35 и 27 представителей чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы и других народов Поволжья. В день открытия съезда поступила новая телеграмма Н. Крыленко с запретом.

Несмотря на это, съезд продолжил свою работу.

Мусульманский военный съезд начал работу на фоне заседаний Национального собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири (Милли меджлис), собравшегося в Уфе. Этот орган, представлявший, по сути, весь татарский и частично башкирский народы, возлагал на мусульманских военных большие надежды. Предполагалось, что именно мусульманский военный съезд провозгласит Идель-Урал штат — территориальное государственное образование, реализующее самоопределение тюрко-татар Внутренней России и Сибири в рамках федеративного союза народов. В реальной обстановке того времени только вооруженные люди могли внушать уважение и заставить считаться с собой. А в Казани тогда квартировал десятитысячный 95-й мусульманский полк во главе с полковником А. Бигловым, который представлял собой значительную силу. Мусульманские полки были сформированы также в Уфе, Оренбурге, Витебске, Петрограде, Симферополе, Симбирске и других городах.

Национально-государственное самоопределение мусульман в рамках федеративной России было главным вопросом Второго Всероссийского мусульманского военного съезда. Съезд последовательно вел эту линию, несмотря на противодействие большевиков.

В конце февраля 1918 г. Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создал революционный штаб и арестовал руководителей съезда. Мусульманский военный съезд был вынужден перебраться в татарскую часть Казани и объявить о своем неподчинении большевистскому декрету («Забулачная республика»). Был образован Мусульманский народный комиссариат, и началось формирование татарских отрядов. Большевистские власти, не колеблясь, открыли военные действия против мусульман. Чтобы избежать братоубийственного кровопролития, национальные вооруженные силы согласились на разоружение. 28 марта был издан декрет СНК, упразднявший Мусульманский военный совет и связанные с ним военные организации и комитеты[9]. Было подписано положение о Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республике.

Идея Татаро-Башкирской республики была поддержана большевиками как альтернатива в противовес концепции Идель-Урал штата. Когда конъюнктура изменилась, большевики вернулись к старой имперской практике согласно формуле «разделяй и властвуй». Были созданы два отдельных автономных образования — Башкирская и Татарская республики. При этом произвол коснулся огромной массы татарского населения Уфимской губернии. Вопрос его территориального самоопределения должен был решиться на референдуме, обещанном большевиками. Однако новые власти согласно своим «пролетарским» правилам не стали церемониться. Татарское население Уфимской губернии было насильно включено в состав Башкирской республики, что создало почву для последующих конфликтов. Так закончилась драматическая эпопея национального движения тюрко-татар Волго-Уральского региона, связанная с национальным самоопределением и попыткой восстановления государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). – М., 2004. – С. 116.
2. Давлетшин Т. Советский Татарстан. – Лондон, 1974. – С. 105.
3. Известия Всероссийского мусульманского совета. – 1917. – 11 августа.
4. Исхаков С. М. Указ. соч. – С. 395.
5. Валиди-Тоган З. Воспоминания. Книга II. – Уфа, 1998. – 367 с.
6. Akış, A. Aklımda Kalanlar. Hatıralar-Konuşmalar. – Ankara, 2002. – 97 s.
7. Ионенко И. М., Тагиров И. Р. Октябрь в Казани. – Казань, 1967. – С. 251.
8. Революция и национальный вопрос. – М., 1930. – Т. III. – С. 26.
9. Известия ВЦИК. – 1918. – 28 марта.

Ринат Закиров,
кандидат педагогических наук